

Глава 6. Драконий трон

В конце концов генерал Вэй просто выволок меня наружу. По дороге я вопил на все лады, взывал ко всем богам и предкам, но так и не сумел вырваться из его рук, державших меня мертвой хваткой, словно стальные тиски.

Придворные с весьма торжественным видом конвоировали меня на плаху... то есть, прошу прощения, в Зал Величественного блеска. Генерал Вэй буквально затащил меня по нефритовым ступеням и бесцеремонно усадил на драконий трон. Стоило мне опустить взор на свирепые драконьи морды, вырезанные на подлокотниках, как сиденье обожгло мне задницу, словно раскаленные угли. Я тут же попытался сползти на пол, но дядя Вэй со вздохом сгреб меня за шкурку и водрузил обратно. После того как мы повторили этот трюк несколько раз — к слову, за это время я успел отполировать трон собственными штанами до зеркального блеска, — по залу пронеслись сдавленные смешки. Репутация моя лежала в руинах, а у дяди Вэя окончательно лопнуло терпение.

— А-У, поймей совесть, побереги честь покойного отца! — сердито топорща усы, зашептал мне на ухо генерал. — Лао Лю такую кашу заварил — расхлебывать не успеваем! Если не разберешься с этим дерьмом, мы все вместе на плаху отправимся!

— Да у меня же куча братьев! — взмолился я. Моя улыбка больше походила на предсмертную судорогу, а зубы выбивали такую чечетку, что больно было слушать. — А как же Четвертый брат? Третий? Или Второй?

Генерал Вэй демонстративно закатил глаза:

— Сдались тебе твои братья! В столице из всей императорской своры остался только ты один! Соberись, покажи характер! Муж, рожденный в смутные времена, должен опоясаться мечом в три чи и вершить великие дела! Я же не заставляю тебя скакать в атаку с копьем наперевес. Всего-то нужно посидеть на троне, а ты дрожишь, как осиновый лист!

— Да какое там великие дела, это же просто пост Помощника государства! Обязательно ради этого на трон лезть? Собрались бы по-тихому в какой-нибудь каморке да перетерли все с глазу на глаз!

Я говорил не так уж тихо, и мои слова долетели до ушей стоящих впереди сановников. Те поспешно опустили головы, безуспешно пытаясь сдержать смешки. Кое-кто даже одарил меня взглядом, полным искреннего сочувствия.

— Трон пустовать не должен, иначе он пылью порастет! — с напыщенной важностью отрезал генерал Вэй.

«Дядя, вы это серьезно?! То есть вы притащили меня в тронный зал в качестве полотера?!»

Я скорчил унылую мину и принялся отчаянно подмигивать генералу. Тот, проигнорировав мои гримасы, больно ухватил меня за ухо и снова зашептал:

— Короче, будешь следить за настроением господина Чжуна. Старые пердуны наверняка попытаются вставить тебе палки в колеса. В любой непонятной ситуации сразу переводи стрелки на Чжун Бочэня. Этот парень чертовски умен, он выкрутится. Главное — сам помалкивай и не болтай лишнего.

— Ну так посадили бы его на этот трон, раз он такой умный! — буркнул я.

Бросив взгляд вниз, на копошащуюся толпу придворных, я почувствовал, как кружится голова. То ли от высоты помоста, то ли от голода — утром я так и не успел позавтракать, и теперь перед глазами плыли темные круги.

Генерал наградил меня увесистым подзатыльником, от которого из глаз посыпались искры.

— Дубина! Если кто прознает про такие разговоры, Чжун Бочэню не жить! Да твой покойный отец из могилы восстанет, чтобы лично тебя придушить!

«Честно говоря, я бы не отказался, чтобы батюшка действительно восстал из мертвых и избавил свое несчастное чадо от этих мук»

Из глаз у меня едва не брызнули слезы, но дяде Вэю было плевать на мои страдания. Буркнув напоследок еще пару напутствий, он развернулся и величаво сошел по ступеням.

Когда генерал Вэй тяжело закашлялся, призывая всех к порядку, гул в зале наконец затих, и сотни людей одновременно уставились на меня. Я сидел как на иголках, обливаясь холодным потом и чувствуя, что нахожусь на грани обморока. Последний раз я испытывал подобный ужас в третьем классе, когда меня заставили выступить перед всей школой на линейке у флага. Пока приличные дети читали патриотические стихи и пафосно рассуждали о светлом будущем, я, преисполненный неуместной отваги, зычным голосом продекламировал:

«Встречаются на островке речном

Скопы, поющие о том, о сем...

Красавица, скромна и весела,

Желанной парой юноше была!»

За что меня благополучно заставили целую неделю стоять в углу во время перемен.

Самое обидное, что я вовсе не собирался паясничать. Мне просто хотелось похвастаться перед учителями и одноклассниками тем, что я выучил древнюю классическую поэзию. Кто же знал, что классная руководительница мгновенно нацепит на меня ярлык «идеологически неблагонадежного»? Малявка в третьем классе — откуда у него могут быть пошлые мысли? Всё вечно усложняют эти взрослые со своими испорченными умами.

Разумеется, оправдания мои никто слушать не стал, и я превратился во всеобщее посмеище. И вот теперь история повторялась. Невежественный принц Ли, который пять лет провел в качестве заложника в чужой стране и не имел за душой ничего, кроме упрямства осла и живучести сорняка, восседал на драконьем троне! Но если сейчас я ляпну какую-нибудь глупость, наказанием будет не стояние в углу. Я просто лишусь головы.

«Кажется, если моя матушка узнает о происходящем, она начнет неистово колотить в монастыре по деревянной рыбе, проклиная этих безглазых придворных»

Я умоляюще посмотрел на Чжун Бочэня. Но наш великий канцлер сейчас больше походил на затворника, познавшего истинное дао. Он стоял в своих безупречно отглаженных фиолетовых одеждах, полуприкрыв веки. Его лицо выражало абсолютное равнодушие, полное отречение от земной суеты и готовность довольствоваться малым — это триединство буддийского спокойствия живо напомнило мне постную рисовую кашу, которой меня пичкали последнее время. Судя по его лицу, на котором крупными буквами читалось «меня это не касается», этот господин мечтал лишь об одном — слиться с ближайшей опорной колонной дворцового зала.

Раз уж деваться было некуда, я решил следовать золотому правилу «язык мой — враг мой», набрал в рот воды и приготовился ждать, пока заговорит кто-нибудь другой. Время шло. Минута тянулась за минутой, но у меня терпения оказалось куда больше, чем у собравшихся. Я восседал на троне изваянием. И пусть под полами просторной мантии мои икры колотила мелкая дрожь, это все равно выглядело солиднее, чем суета дряхлых чиновников, которые то и дело переминались с ноги на ногу и потирали затекшие поясницы.

В конце концов мое упрямство принесло плоды.

Стоило мне слегка поерзать, устраиваясь поудобнее, как под сводами зала раздался дрожащий голос:

— Ничтожный слуга... министр ритуалов Пань Лэсин... имеет честь почтительно доложить...

Я поднял глаза и увидел чиновника, стоявшего довольно близко к помосту. Впрочем, несмотря на свое почетное место в первых рядах, он умудрился почти целиком вжаться в густую тень дворцовой колонны. На фоне нашего богатыря, генерала Вэя, у которого косая сажень в плечах, этот бедолага сжался в комок, словно сушеная креветка. Судя по парадному одеянию, я имел дело со знатной персоной, хоть и не знал его в лицо — всё-таки ранг министра говорил сам за себя. Посему я небрежно взмахнул рукой, давая понять, что он может говорить.

Кто же знал, что этот олух, Лу Цзюань, превратно истолкует мой жест? Набрав в легкие

воздуха, он зычно возопил на весь зал:

— Аудиенция окончена! Разойдись!

Придворные онемели от изумления. Но больше всех опешил я сам. Конечно, в глубине души я мечтал провалиться сквозь землю, но нельзя же сворачивать государственное собрание вот так, даже не начав! Несчастный министр ритуалов так и застыл посреди зала с поднятым докладом в дрожащих руках, растерянно озираясь по сторонам и не понимая, то ли ему возвращаться в строй, то ли падать на колени.

Я наградил Лу Цзюаня свирепым взглядом. Тот как раз обернулся ко мне и, заметив мое внимание, расплылся в подобострастной улыбке. Семена ко мне, он протянул свои пухлые, как сардельки, ладони:

— Ваше Высочество, позвольте ничтожному слуге помочь вам сойти с трона...

«Какое, к черту, помочь, идиот! Ты только что сорвал мне всё собрание одной фразой!»

Тем временем дядя Вэй уже буравил меня испепеляющим взглядом, обещающим скорую и мучительную расправу.

Я уже всерьез подумывал прикрыться жирной тушей Лу Цзюаня от генеральской сабли, как вдруг мой взгляд снова скользнул к Чжун Бочэню. Наш канцлер по-прежнему стоял неподвижно, напоминая рваный стяг, безжизненно свисающий с флагштока в полный штиль. Но, как ни странно, именно это зрелище меня успокоило. Раз уж это знамя не колышется, значит, буре взяться неоткуда.

Проигнорировав протянутые руки евнуха, я остался сидеть на троне с невозмутимым видом.

Поняв, что я даже не смотрю на него, Лу Цзюань перевел взгляд на замершего памятником министра ритуалов и сообразил, что свалил дурака. Не говоря ни слова, он опустил на колени и потихоньку отполз на свое законное место.

В конце зала послышалось шарканье ног — некоторые мелкие сошки, услышав команду расходиться, поспешили протиснуться к выходу. Задние ряды примялись, средние заколебались, и волна нерешительности докатилась почти до ног Чжун Бочэня и генерала Вэя.

Однако передовая когорта вельмож — ядро власти, где Чжун Бочэнь выступал негласным центром, а генерал Вэй очерчивал невидимую границу обороны, — оставалась недвижимой. Ни один из этих старых лисов не шелохнулся. Они хранили гробовое молчание, являя собой разительный контраст с той суетливой кашей, что заварилась у них за спинами.

Я продолжал молчать, опершись локтем о резной подлокотник и подперев подбородок

ладонью. В голове зароились мысли.

Окружавшие Чжун Бочэня сановники занимали ключевые посты в государстве. Почти все они были в преклонных летах, с окладистыми седыми бородами, и лишь молодой, холеный канцлер выделялся среди них, как белый журавль в стае серых цапель. Судя по их расстановке, эти люди принадлежали к одной фракции с Чжун Бочэнем и генералом Вэем. Проще говоря, они не входили в число тех заговорщиков, что спали и видели, как бы поскорее лишить меня жизни.

Придворные продолжали покидать зал. Генерал Вэй обернулся, его лицо пошло багровыми пятнами от ярости, а взгляд, направленный на меня, стал откровенно угрожающим. Я лишь едва заметно качнул головой и постучал пальцами по холодному дереву подлокотника. На удивление, страх прошел. Всё происходящее вдруг показалось мне забавным спектаклем.

Пусть я и не был настоящим императором, а всего лишь скромным принцем Ли, но на драконьем троне посидеть успел. Если мне когда-нибудь повезет выбраться из этого чертова сценария и вернуться домой, я смогу под пиво с арахисом травить эту байку друзьям до конца своих дней.

А вся эта придворная канитель наконец-то разложилась у меня в голове по полочкам. Государство не может существовать без правителя. Батюшка-император благополучно почил, Шестой брат умудрился нажить себе кучу врагов и лишился доверия, Старший брат собрал манатки и дал стрекача, а остальные царевичи оказались один хуже другого — настоящие гнилые груши. И я, к своему глубокому стыду, оказался единственным плодом, который сохранился чуть лучше остальных. Вот дядя Вэй и ухватился за меня как за соломинку, пытаясь уберечь династию Цэнь от окончательного краха.

Вот они — верные слуги престола. Я мысленно смахнул скупую слезу благодарности от лица покойного родителя, павшего на полпути к триумфу. Окинув взглядом почти опустевший зал, где осталась лишь горстка верных соратников в первых рядах и толпа уходящих спин, я с силой хлопнул ладонью по подлокотнику и рявкнул на весь зал:

— А ну стоять! Разве я давал вам позволение уйти?!

Генерал Вэй резко вскинул голову, его взгляд наполнился таким яростным триумфом, что мне показалось, будто он прожжет во мне дыру. Несколько придворных, не успевших дойти до дверей, замерли на месте. Оглянувшись и увидев, что я по-прежнему царственно восседаю на троне, они смертельно побледнели, поспешно бросились обратно и рухнули на колени, моля о прощении.

Те же, кто уже выскочил за порог, моих слов, разумеется, не расслышали. Тогда генерал Вэй, набрав воздуха в самую диафрагму, выдал поистине громоподобный рык:

— Его Высочество еще на троне! Как смеее вы покидать зал без высочайшего повеления?!

Этот рев, способный заменить на поле боя сигнальный барабан, раскатистым эхом покатился под высокими сводами. У меня даже в ушах зазвенело. Придворные, которые только что вприпрыжку устремлялись на волю, теперь кубарем катились назад. Некоторые от страха путали ноги, а один почтенный муж умудрился споткнуться о собственную полу и растянулся во весь рост, смачно приложившись лицом о каменные плиты.

Когда перепуганная толпа вернулась и, затаив дыхание, распласталась по полу, один из сановников, стоявших подле Чжун Бочэня, произнес, прикрыв глаза:

— Вы совсем погрязли в праздности и лени, раз умудрились позабыть заветы предков. Кто бы ни восседал на этом троне — принц или император, — раз он сидит здесь, он олицетворяет волю Сына Неба.

Я мысленно заплодировал этому выступлению: отличная подача! Однако уже в следующий миг я прикусил язык, осознав ужасающую вещь. Погодите-ка... Неужели эти заговорщики и впрямь вознамерились короновать меня?!

«Дядя! Ну нельзя же в лихорадке хвататься за первое попавшееся лекарство и пытаться оживить дохлую лошадь!»

Я в панике выпучил глаза, но дядя Вэй лишь выразительно косился в сторону. Проследив за направлением его взгляда, я наконец вспомнил про бедного министра ритуалов, который по-прежнему стоял посреди зала неприкаянным глиняным изваянием.

Я придал лицу максимально суровое выражение и, постаравшись сделать голос как можно глубже и величественнее, указал на него пальцем:

— Предоставь свиток.

Министр ритуалов, казалось, мгновенно ожил. Сбросив оцепенение, он поспешно протянул свиток еле державшемуся на ногах Лу Цзюаню.

Когда Лу Цзюань передавал мне документ, его пальцы ходили ходуном. Бедняга, должно быть, из последних сил сдерживал слезы.

Я с напускным безразличием развернул свиток и пробежал глазами по иероглифам, пока министр ритуалов торопливо пояснял суть дела:

— Ваше Высочество, усыпальница покойного императора действительно нуждается в основательной перестройке, однако на границах сейчас неспокойно, а казна пуста. К тому же в провинциях Сунчжоу, Миньчжоу и Лучжоу один за другим вспыхнули неурожаи из-за засухи. Собрать необходимую сумму в столь короткие сроки просто невозможно...

— Позвольте не согласиться, господин Пань, — сделал шаг вперед другой чиновник, явно вознамерившись вставить коллеге шпильку. — Пусть в Сунчжоу дела плохи, но земли Сюньчжоу и прочие владения к северу от реки Аньхэ бедствие обошло стороной. Покойный государь пал на поле брани, и из-за вспыхнувшего мятежа мы даже не смогли проводить его в последний путь со всеми надлежащими почестями. Разве сейчас, когда смута улеглась, восстановить справедливость и обустроить гробницу — это чрезмерное требование? Из-за вашего крохоборства Императорский двор окажется со связанными руками, и о великих свершениях в государстве можно будет забыть!

— Да я вовсе не против строительства! Я лишь говорю, что нужно соразмерять... — взмолился министр ритуалов, подавшись вперед, но его бесцеремонно оборвал очередной оратор.

— Ваше Высочество, дело не терпит отлагательств! Мы знаем, что вы всегда свято чтите свой сыновний долг, но, находясь на чужбине, были лишены возможности исполнить его. Изменники воспользовались кончиной вашего августейшего отца, чтобы обвинить вас в непочтительности. Сейчас у нас есть прекрасный шанс утереть нос этим подлецам и восстановить ваше доброе имя!

— Да понимаете ли вы, во сколько это обойдется?! — не выдержал Пань Лэсин, приподнимаясь на цыпочках, чтобы перекричать оппонента. — Вы то и дело добавляете новые расходы, требуя то одно, то другое! Казна не резиновая, а вы напридумывали кучу излишеств...

— Дерзость! Как смеешь ты называть усыпальницу покойного императора излишеством?! — тут же уцепился за его слова еще один чиновник. — Это же прямая хула на священную память государя!

Министр ритуалов и без того не отличался храбростью, а после этих нападок и вовсе лишился чувств. Поблуднев, он мешком повалился на пол, покорно ожидая высочайшего гнева.

Я нахмурился. Действительно, у каждого была своя правда. С одной стороны, мне и самому хотелось привести в порядок могилу отца. И вовсе не потому, что какие-то заговорщики обвиняли меня в неисполнении сыновнего долга. Покойный государь все-таки приходился мне родителем. Пусть я даже толком не помнил его лица, он оставался моим отцом. С другой стороны, упрямство министра ритуалов тоже было не на пустом месте. У него явно имелись веские причины бить тревогу.

Одолеваемый любопытством, я развернул свиток пошире и принялся бегло просматривать бесконечные витиеватые славословия и церемонные фразы, пытаюсь отыскать в самом конце документа итоговую сумму.

Цифры нашлись быстро — они были выведены аккуратной, каллиграфической тушью прямо на белой бумаге.

Пятьдесят миллионов ланов серебра...

Свиток с негромким стуком выскользнул из моих ослабевших пальцев и упал на пол.

Звук был тихим, но нервы присутствующих были натянуты как струны. Стоило бумаге коснуться плит, как все споры, крики и взаимные обвинения мгновенно стихли. В зале воцарилась мертвая тишина, и все затаили дыхание, уставившись на меня.

Под этим перекрестным огнем сотен взглядов мне хотелось сквозь землю провалиться от неловкости. Черт побери, да я за всю свою жизнь не видел такой астрономической суммы! Возможно, для императорской усыпальницы эти траты и были делом привычным. Но для меня — бедного горе-сценариста, который мог сутками стучать по клавишам ради жалких грошей, — этих денег хватило бы на десяток безбедных жизней вперед...

<http://bllate.org/book/19811/2029530>